

5.02.93

Пушкин

Пушкин — величайшее явление русской культуры, значение которого в истории не умаляется, а непрерывно возрастает в России и для России.

Еще при жизни Пушкин был любимейшим, самым понятным и самым дорогим из русских писателей. Он еще при жизни стал «народным», хотя рядом с ним жили и действовали писатели, язык, мысли, слова, речения которых не меньше, а больше пушкинских вошли в народный обиход: назову Крылова и Грибоедова. Затем наступила смерть Пушкина, с ее всем доступным и всех до глубины взволновавшим трагизмом: «Погиб поэт, невольник чести...»

А потом настала эпоха какого-то, быть может, лишь видимого и даже мнимого потускнения лучезарного образа Пушкина в русских умах: 60-е и 70-е годы. Но это потускнение было мнимым, и когда в 1880 году был открыт на редкость удачный, благородный в своей простоте памятник Пушкину в Москве, Россия гениальным и пророческим взором вновь открыла Пушкина, и он раскрылся перед ней. Это открытие и раскрытие Пушкина через вещное слово Достоевского есть для меня, который был в это время ребенком, первое сильное, чисто духовное, чисто культурное переживание, потрясение и откровение.

Затем — 1887 год. Истекает срок авторского права на сочинения Пушкина, и в миллионах экземпляров его творения растекаются по необъятной русской земле. Если смерть Пушкина была первым раскрытием его величавого образа для «образованной России», а чествование его памяти, в связи с освящением памятника, было таким вторым раскрытием для нее же, то 1887 год знаменует целую эпоху в том процессе, которым Пушкин становился подлинно народным.

Откуда и в чем это величие Пушкина как культурного явления? Как все явления такого рода, как все гении, Пушкин органически вырос. Он больше своих предшественников, он намного выше своих современников, но он неразрывно с ними связан. Есть какое-то неизъяснимое наслаждение — я нарочно употребляю это чисто пушкинское слово, им заимствованное у Державина и Карамзина, — следить за тем, как Пушкин подготавливается и органически вырастает из всего предшествующего развития, как к нему ведут и Ломоносов и Сумароков, и Фонвизин и Озеров, и Державин и Карамзин, и Хемницер и Крылов, и, наконец, та широкая волна подлинной народной поэзии, которая, вместе с знаменитым сборником народных песен Чулкова и Новикова, проникает в русскую образованность и органически в ней претворяется.

В лице Пушкина, быть может, даже не вполне заметно и ощутимо для него самого, история подвела итог огромной культурно-национальной работе, произведенной в великое пятидесятилетие, гранями которого являются 1765 год, один из первых годов екатерининского царствования, и 1815 год, год рождения Пушкина не как физического лица, а как великого русского поэта.

Итак, Пушкин — гений, пожавший обильную историческую жатву и в то же время непрерывно выраставший при жизни и после смерти. В чем же величие Пушкина, в чем разгадка неуклонного роста его значения для России и русской культуры?

Пушкин — самый объемлющий и в то же время самый гармонический дух, который выдвинут был русской культурой. Не в том только дело, что Пушкин не элементарен, а многословен и, в лучшем смысле, многолик. Он — хороший, простой и добрый человек, увлекающийся и вспыльчивый, в молодости предающийся разгулу «неистовых пиров» и чрезмерностям «легкокрылой любви» и такого же «похмелья». И этот человек, которому не чужды человеческие слабости, в то же время есть тот величайший поэт, которого изобразил он сам. Читатели Пушкина не всегда, может быть, задумываются над тем, что в своем дивном стихотворении «Поэт» Пушкин изобразил не поэта вообще, а прежде всего **самого себя**. С чарующей искренностью он сказал, что он мог на самом деле «в заботах суетного света» быть «малодушно погружен» и что «меж детей ничтожных мира» он самому себе представлялся «быть может, всех ничтожней».

Но у этого «малодушного» и «суетного» человека был великий гений, был острый слух, чуткий к «божественному глаголу»,

Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — видный русский философ, экономист, публицист и общественный деятель — внес немалый вклад и в развитие отечественного пушкиноведения. Представляется несомненным, что он был одним из наиболее крупных пушкинистов Русского Зарубежья. Ценность работ Струве о поэте заключается прежде всего в том, что ученый пытался постичь Пушкина с позиций «либерального консерватизма»; именно такая система взглядов, пожалуй, наиболее точно отражает суть мировоззрения зрелого поэта. «Литературная Россия» и «Русский рубеж» уже не раз публиковали пушкиноведческие труды Струве. Ныне, в очередные пушкинские дни, — очередная статья изгнанника. На сей раз — «Растущий и живой Пушкин». Впервые она была напечатана в знаменитой однодневной газете «Пушкин», которая увидела свет в Париже в 1937 году, в дни всемирного юбилея поэта, который широко отмечала русская эмиграция. Давно пора и нам переиздать эту замечательную однодневку, уникальный памятник русской культуры — но соберемся ли? Ныне же статья воспроизводится по изданию: П. Б. Струве. «Дух и Слово». Париж, YMCA-Press, 1981. Эта книга, где «собраны почти все статьи по русской и западноевропейской литературе, написанные Петром Бернгардовичем Струве в эмиграции и затерявшейся в газетах», будем надеяться, также вернется в Россию.

Михаил ФИЛИН

РАСТУЩИЙ И ЖИВОЙ ПУШКИН

Лит. Россия. — 1993. — 5 февр. (№ 5). — С. 12.

Гравюра на дереве Николая КАЛИТЫ

был «гордый и суровый» дух, «тоскующий в забавах мира», не признающий никаких человеческих «кумиров», был презирающий «людскую молву» «свободный ум», идущий «дорогой свободной». Не поза, а подлинная простая правда самопознания говорила в Пушкине, когда, вспоминая поэта бесконечно слабейшего, чем он сам, — своего друга Дельвига, великий творец писал о нем по себе:

О Дельвиг мой!
Твой голос пробудил
Сердечный жар,
так долго усыпленный.
И бодро я судьбу благословил.
С младенчества дух песен
в нас горел.
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы
к нам летали.
И стадок был их лаской наш удел;
Но я, доблестно уже рукоплеская,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь,
я тратил без вниманья.
Ты гений свой воспитывал в тиши.
Служенье муз не терпит суеты;

Прекрасное
должно быть величаво...
Но юность нам советует лукаво.
И шумные нас радуют мечты...

Величие Пушкина состоит именно в том, что он в самом себе познал и сожилость во и противоречие, этот — по меткому слову другого поэта — «поединок роковой» малого и великого, что он в своей собственной душе нащупал все мели и промерил все глубины человеческой души.

И это — сохраняя полную ясность, подлинно крепкую зоркость умственного взора!

Ибо, будучи из «детей ничтожных мира», этот простой и добрый человек, как поэт, как творец, не знал в пору своей зрелости никаких слабостей, ни слабостей недохвата, ни слабостей перехвата. Он был — до конца прозрачная ясность, всеобъемлющая сила, воплощенная мера. Вдумайтесь в это: всеобъемлющая сила в сочетании с величайшей мерой. Этой мерной силе было присуще величайшее творческое спокойствие, ей была свойственна спокойная и ясная справедливость.

Петр СТРУВЕ

II

Итак, Пушкин вовсе не принадлежит к тем умам и душевным организациям, которые не имеют истории. Пушкин изменялся и вырастал. Пушкину, кроме того, не было дано сказать не только последнего слова. Он большей части того, что мог сказать, не сказал. Он унес с собою в могилу целый мир.

Но все-таки Пушкин рано созрел и рано явил великое могущество творческого духа и ясного созерцания мира. После 1825 года мы имеем перед собой зрелого Пушкина.

Чем отмечен дух и душа этого зрелого Пушкина?

Давно замечено — и ровно десять лет после смерти Пушкина его друг, кн. П. А. Вяземский, превосходно выразил это:

«Пушкин мог иногда увлекаться суетными побуждениями, страстями, более привитыми, чем, так сказать, самородными; но ум его, в нормальном положении, был чрезвычайно ясен, трезв и здрав. При всех своих уклонениях, он хорошо понимал истину и выражал ее. С этой точки зрения он мог уподобиться тем дням, в которые, при сильных порывах ветра и при волнении в нижних слоях атмосферы, «безоблачное небо остается спокойным и светлым».

Пушкин был ясный и трезвый дух. Но при всей трезвости своего духа, Пушкин никогда не стался по земле, при всей ясности он был обаят чувством **неизъяснимого**.

Великие творцы не случайно имеют свои излюбленные слова. В этих словах воплощается их дух, в них он живет и трепещет. У Пушкина в его словаре есть два таких полярных слова:

ясный
и, рядом с ним, его отрицание:
неизъяснимый.

Да, Пушкин сам ясен и любит ясность. Он, можно сказать, ее вокруг себя распространяет и он ее творит. И в то же время этот ясный дух в эпоху своей зрелости смиренно склоняется перед неизъяснимым.

Вот тут-то мы нащупываем то, что с полным правом можно и должно назвать религиозностью Пушкина.

Есть разные выражения и виды религиозности. Один вид есть **погружение** в этот мир, все равно будь то наивно-реалистическое **освоение** Бога или страстно-упоенная **отдача себя** Ему, или, наконец, выливающееся в форму логического рассуждения или мысленного разъятия, философское **опознавание** Бога. Первое есть простая и крепкая вера в Бога простых людей, второе есть растворение личности в Божественном начале — сюда относится подлинная **мистика**. Третье есть богословское утверждение Бога. Но может быть и совсем другой вид религиозности, не погружение в Божество и не Его утверждение мыслью, а «к-а с а н и е **мирам иным**». Именно не прикосновение, а касание, стыдливое, сдержанное приближение, в котором нет никакого упоения или опьянения, где ясность не утрачивается, а ясный и трезвый дух только смиренно склоняется перед неизъяснимым.

Такова была религиозность зрелого Пушкина.

БЕЛГРАД, январь, 1937 год